

Путешествие дилетанта

Павел Любимцев, каков он есть

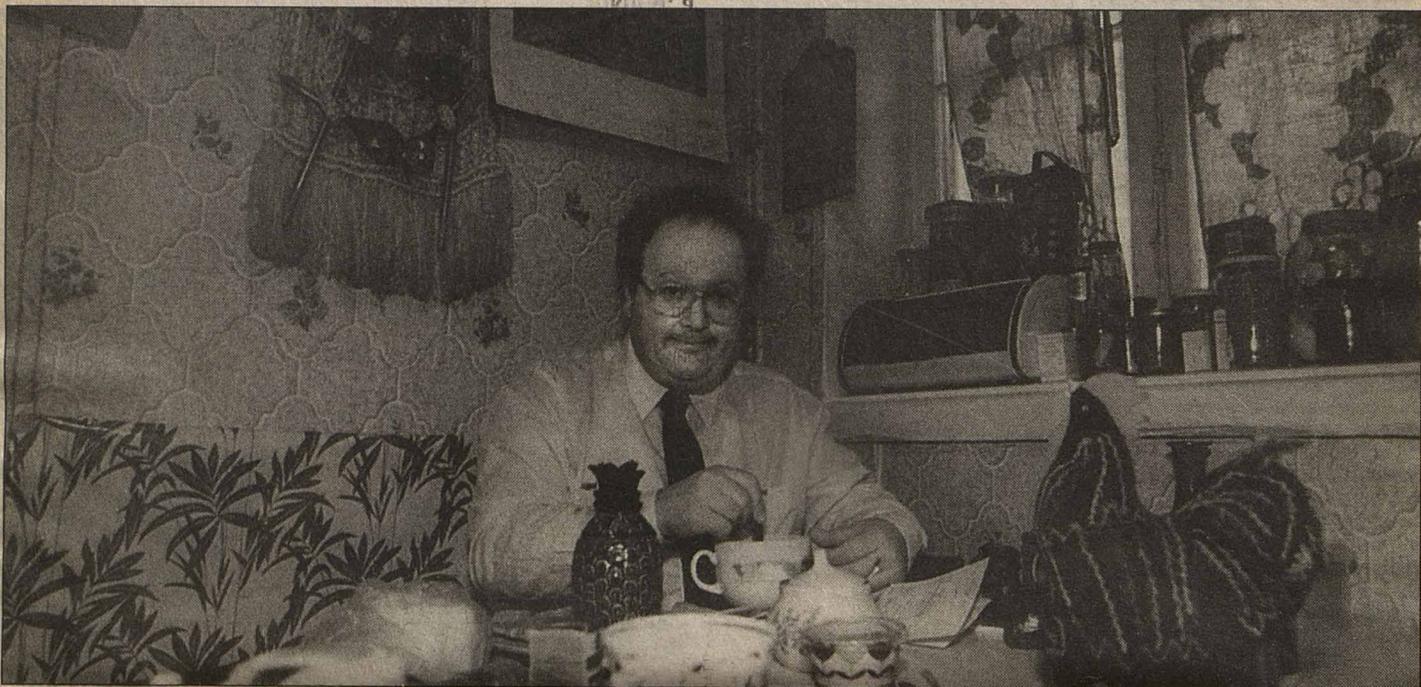

Фото В. ГОРЧЕВА

П. Любимцев

“Путешествия натуралиста” — одна из немногих передач на нашем ТВ, которая не рвет душу, не треплет нервы, не слезит глаза и не вызывает к чувству социальной справедливости. Ее не интересуют ни ваши убеждения, ни ваши доходы, ни ваш возраст. Ее не волнует даже ваше настроение. Она вам сама его поднимет в два счета. Каждое воскресенье вот уже больше года (родилась весной 99-го) она так нежно стучится в стекло кинескопа и входит в ваш дом. И ей всякий раз рады. Она способна соединить у экрана все три поколения вашей семьи. В другие часы эти самые поколения могут жить в постоянном и хорошо известном по литературе конфликте “отцов и детей”. Но, увидев заставку компании “Живые новости”, бывшие противники готовы сесть за стол переговоров, мирно попить вместе чайку, поболтать о том о сем и даже составить некое вполне удобное для всех дружество.

Почему передачу “Путешествия натуралиста” любят все кому не лень? Она умиляет. Она добра, лучезарна, даже когда в кадре идет дождь. Она никогда не актуальна (ее можно записать, пересмотреть, когда будет желание и время) и всегда познавательна. Она из тех, что воспитывают добрые чувства и пробуждают здравые мысли. Она не заигрывает со зрителем, но немножко, конечно, играет на романтической страсти, знакомой каждому ребенку и еще не забытой всяким взрослым: играет на страсти к экзотике и путешествиям, желании иногда пошляться без дела, поглазеть по сторонам, полюбопытничать, зайдя в зоопарк, и испытать при этом не только знакомое пресходство над, но и уверенное родство с братьями нашими меньшими.

Всех этих кренделей-комплиментов было бы наверняка, если бы передаче не повезло так с ведущим. Павел Любимцев, собственно говоря, и олицетворяет собой все те достоинства, за которые “Путешествия натуралиста” любят все. Он никакой не натуралист, хотя всякий, увидев его очки, соломенную шляпу и белый полотняный костюм, сразу наречет его про себя Паганелем. На самом деле он артист, но артистом в кадре, и это замечательно, как раз не выглядит. Артисты в роли телеведущих обычно нещадно наигрывают. И фальшивят, читая чужие тексты. А Павел со знанием дела пишет тексты сам и испытывает неподдельный интерес к тому, чем занимает-

ся, — и к биологии, и к географии, и к жизни вообще. Мы знакомы столет, и я не устаю удивляться его жизнелюбию и его органике, хотя, как вспоминает он сам, в театральном училище он считался “неорганичным студентом”. Насчет же актерства у него своя теория, которая тоже мне нравится: “Актер с моей внешностью — смешной, толстый, в очках, с залысинами и высоким голосом — после сорока лет вполне может рассчитывать на карьеру в кино”.

— Откуда вся эта страсть к зверям?

— С детства. Когда я был маленьким, любил рисовать зверей по памяти и с натуры. И, как говорили люди понимающие, рисовал очень хорошо. Всегда любил ходить в зоопарк. Знал о нем много, читал и собирал книжки про зверей, коллекция эта до сих пор жива и, как видите, пригодились, мечтал стать зоологом. Но, как теперь понимаю, это была книжная мечта, неконкретная. В 4–5 классах я даже пытался ходить в кружок юных биологов зоопарка, но это получалось хуже. Оказалось, что смотреть на зверей, наблюдать их — интересно, а заниматься ими по науке — скучно. С рисованием тоже ничего серьезного не вышло. Знакомые художники говорили моим родителям (родители Павла — музыканты, до сих пор преподают в Гнесинском училище): “Только ребенка не испортите, только не надо его учить. Это засушит его фантазию, лишит индивидуальности”. Вот я ничему и не научился.

— А разве “Путешествия натуралиста” — это не дилетантизм?

— В этом дилетантизме и есть плюс передачи, то есть в отсутствии узкой специализации и наличии занимательного рассказа. Нашу передачу отличает интонация. Я, конечно, стараюсь не врать, но, думаю, что какие-то ошибки все-таки делаю и настоящий специалист мог бы поймать меня за руку. Зато только в “Путешествии натуралиста” можно позволить себе, снимая передачу в Израиле, закончить ее стихотворением Пастернака “Вифлеемская звезда”.

А еще Павел — чтец Московской филармонии, ученик Якова Смоленского, лауреат нескольких конкурсов чтецов и большой любитель выступать перед школьниками. Слушают они его программы, надо сказать, с большим вниманием и раскрыв рот, — сама видела. А еще он — педагог и режиссер того самого Щукинского училища, которое когда-то окончил. Снимался в

кино, правда, только в эпизодах, но в “Чернове” Сергея Юрского и “Русском рэгтайме” Сергея Урсуляка его нельзя не заметить, как, впрочем, и в рекламе. В юности Паша был очень похож на Дельвига. И в знаменитом фильме Марлена Хуциева о Пушкине должен был как раз Дельвига-то и сыграть. Фильм, увы, так и не состоялся. Но Дельвига он все-таки сыграет — в радиоспектакле, который сейчас делает все тот же Марлен Хуциев. А еще Паша — большой любитель театральных премьер, лучшие из которых успевает посмотреть и описать (иногда в “Культуре”), и коллегий редких театральных впечатлений (Раневскую в спектакле “Дальше — тишина” видел, кажется, раз десять). Он помнит даже то, что по возрасту (ему 43 года) вроде бы и видеть не мог.

— Спасибо маме, она водила меня в театр хорошо: не столько на детские спектакли, сколько на взрослые классические постановки и на хороших артистов.

— Поэтому “Путешествия натуралиста” вобрала в себя все то, что я так или иначе люблю и умею: мою детскую любовь к животным и какие-то знания о них, мое умение интересно рассказывать, что и составляет суть чтецкой профессии, и некую дидактичность, назидательность рассказа, то есть педагогику.

— Неужели это была судьба, и вы попали на передачу случайно?

— Да нет, блат, конечно. (Смеется.) С Мишей Ширвиндтом, продюсером “Путешествий”, мы в училище были в добрых отношениях, он учился на курс младше. Сначала возникла передача “Живые новости”, и Миша меня позвал писать тексты. Произносил их в кадре не я, а Игорь Золотовицкий или Таня Морозова, Мишина жена. Сначала я очень раздражался. Говорил, что не умею такие тексты писать, что непрофессионал. Но меня улещивали довольно грубо: “Все, кто пробовал до тебя, делали это хуже, чем ты”. Это, знаете, все равно как: “А станцуйте-ка вы партию Зигфрида в “Лебедином озере!” — “Да что вы, я не умею!” — “Ничего, все остальные еще хуже танцуют”. Мука моя продолжалась, пока передача была еженедельной, но когда она стала ежедневной, я просто слепнул, как выражаются мои студенты, поскольку очень многим был занят — и концерты, и училище, и всякое другое... Потом ребята попросили меня делать сюжетки из зоопарка: за одну минуту надо бы-

ло про какое-нибудь животное что-нибудь занятное рассказать. Каждый сюжет начинался словами “А вы знаете, что...”. Передача в таком виде просуществовала год и приказала долго жить после августовского дефолта. А весной 99-го года Миша и Саша Коняшев, второй продюсер, возобновили ее уже как мою авторскую. Главная идея была в том, чтобы такой вот смешной человек все это рассказывал.

— Люди, как вы думаете, похожи на животных?

— Люди, извините, хуже. Хищник, когда он сыт, никого не трогает, удав нападает только на то, что может съесть, чего не скажешь о человеке. Животные наивнее, простодушнее. Но они, конечно, звери, и к ним не надо лезть.

— А вы с ними общаетесь в кадре так непринужденно, словно вам это ничего не стоит и вы это дело обожаете. Это не так?

— Я люблю это занятие гораздо меньше моих продюсеров. Например, в парке крокодилов мне пришлось носить на руках в кадре маленького аллигатора. Хозяин объяснил, как его держать за шею и за хвост, но, пока я что-то рассказывал, он все время выдирался из рук. А когда я отдал его обратно хозяину, тот запросто посадил себе крокодила на шею, как домашнего котика, — вот что значит хорошее знакомство.

— И каков крокодил на ощупь?

— Как сумочка из крокодиловой кожи. Холодный.

Его обожают дети и звери. Он с ними воркует, поет и смеется. Он знает, что у слона на хоботе пальчик, а лев не только царь зверей, но и чревоушатель, что маленький бегемотик, рождаясь, вылетает из утробы прямо на спину матери, а папуас продает казуара за столько, за сколько покупает жену.

— Вас не сразила внезапно свалившаяся на голову известность?

— Бывает, что от известности человек начинает говорить: “Мы, звезды, нам, звездам, с нами, звездами...” Чушь собачья и пошлость невыносимая. Это не про меня. Как говорил Чехов, “всякому безобразию есть свое приличие”. Мне сходило с ума не с чего. Довольно смешно, когда человек появляется на телеэкране и у него начинают брать интервью, и вроде он откуда-то взялся. А он ниоткуда не взялся, он всегда был. Просто о нем не знали. Я всегда был такой, как есть, — вы же меня давно знаете?

Наталья КАЗЬМИНА